

Воспоминания Веры Георгиевны Огородниковой

Посвящается детям, внукам и правнукам, родным и друзьям.

Родословная семьи Котовых.

Семья Котовых жила в городе Орёл в России. Они были верующие – молокане. Это такие же верующие как баптисты, но они не признают водное крещение. Проповедуют они также как и баптисты, но поют совсем по-другому. У них своеобразная мелодия – очень долго тянут одно слово и с такими вилюльками, что иной раз не поймёшь, что поют... Не знаю, есть ли сейчас где молокане, но у нас в Ташкенте не осталось. Все перешли к баптистам.

Из Орла их сослали за веру в Самарскую область в село Романовка. Там было мало воды. Реки летом пересыхали. Делали плотину. Пока снег таял, вода стекала, собиралась... Как снег весь растает - и плотина высыхала. Колодцы были 22 метра глубиной. Из-за этого наше село Романовка много раз страдало от пожаров. Поэтому и люди очень обедняли. В 1921 году был сильный голод. В это же время было 2 сильных пожара. В 1921 году сгорело 175 домов. И во время второго пожара тоже сгорело много домов. Горели те же дома, которые сгорели в первый раз... Люди кое – как с большим трудом построили снова дома – кто из сырого кирпича, кто из чего смог... Крыши были соломенные... Загоралась эта крыша и шапкой взвивалась вверх и зажигала другие крыши до 9-го дома... Это был ужас... Вещи выносили на улицу, но всё сгорало и на улице. Вечером пригнали коров, они стоят и режут, так как нет их стойлов. Ни ложек, ни чашек – ничего не осталось. В одной семье мать купала трёхлетнего ребёночка в ванне, узнала, что пожар, оставила его и побежала к мужу помочь убрать пшеницу... Мальчик выбежал на улицу, увидел пожар, испугался, вернулся домой и залез под кровать... Так и сгорел там. Столько было горя... А наша улица отходила влево и ветер не попадал на наши дома и мы остались помилованы Богом.

До 1921 года наша семья жила вместе с папиным старшим братом Иваном Николаевичем. Но после смерти мамы мы разделились, и наша семья стала жить сама. Папа женился и так как работы было много и было много

маленьких детей, папа нанял женщину, чтобы помогала маме по дому и хозяйству. Старшие дети уже немного подросли, но все были заняты. Надя училась в Самаре. Братья помогали убирать скотину. Виктор – самый старший из братьев – всё время работал на мельнице. Когда было много завоза – мельница работала и днём и ночью, только в воскресенье не работала. Когда мне было 12 лет, мы с братом Володей возили хлеб, накладывали на рыдван снопы. Взрослые набрасывали снопы на парный фургон, а мы на одинарный. Я подавала снопы, а Володя укладывал. Всю весну и лето до поздней осени мы работали. Весной сажали картофель, подсолнух, бахчи, потом всё пололи по нескольку раз... Приедем домой все загорелые. У женщины, которая у нас жила и маме помогала – ноги были белее наших лиц... Осенью копали картофель... Но когда уберём всё с поля, тогда уже возвращались домой. А мужчины работали до самых холодов – пахали землю, готовили к посеву на следующий год... а мы уже делали работу по дому – убирали, готовили кизяк, топили печку, носили воду из колодца. Вечера были заняты собраниями. В понедельник было женское собрание. Во вторник – спевка, в среду – членское собрание, в четверг – собрание молодёжи, в пятницу опять спевка, потому что летом у нас не было ни спевок, ни собраний. Всё время были далеко на полях.

Так мы жили в Романовке до 1930 года. В 1925 году был очень хороший урожай. За эти годы мы приобрели молотилку и сноповязалку. Машина жнёт и вяжет снопы и выбрасывает уже готовые снопы... Мы только собирали их и складывали в скирды. Приобрели также машину молотить хлеб. Движок – двигатель – это уже на гумне, когда привезём с поля снопы. Работает двигатель – в машине сделан барабан – туда закладывают снопы... Барабан молотит и чистое зерно выходит в один рукав, а солома в другой... Всё так сделано было хорошо, что мы долгое время радовались. Мякина летела отдельно, солома – отдельно.

Подошёл 1930 год. Закончилась наша радость, что легче стало работать, что стало легче жить... Всё – всё отобрали наши «друзья» – коммунисты. И отец погиб и брат Костя... Остались там – на Севере... Позже коммунисты поняли, что не выгодно кормить семьи на Севере. Пароходы ходят только в разлив, только в половодье и то только буксир... А что буксир – разве накормит столько людей??? Стали отпускать те семьи, у кого нет трудоспособных. Стали отпускать тех, за которыми родные могли приехать... Взять на своё иждивение... И вот наш брат Володя / который сбежал /- работал в Ормедзолото за Оренбургом на станции Блява. Он узнал, что отпускают людей, поехал в село, взял отношение и документы, которые нужно было и приехал за нами. Сначала привёз нас к себе в Ормедзолото. Семью он проводил в Ташкент. Я же в это время была в селе Ракитянка, так как сильно болела. Когда мы переехали с Севера, то из-за большой перемены климата я очень сильно заболела. Была малярия в скрытой форме. Меня не трясло, а сразу бросало в жар... И я очень ослабла. Я и так с Севера вернулась ослабшей, да ещё эта малярия замучила... Из Самары Надя тоже приехала в Ракитянку. Володя же жил на десятом разъезде на станции Блява, но это

недалеко от нас. Мы с Надей были часто голодные. Местные жители ничего нам не продавали, говорили: «Мы сами голодные сидим, а вы работать не хотите...». Но были и добрые люди, которые помогали...

Хочу описать как пережил ссылку прадедушка. Его сослали за то, что верил в Бога. Сама я прадедушку не знаю. Была у нас фотография. Его звали Григорий. У него была очень красивая жена. У них были дети : Ефим Григорьевич, Иван Григорьевич и Павел Григорьевич. Все они были Пеньковы. И жили все в Романовке. Григорий с женой жили в Америке. Когда они уехали туда, не знаю, только видела их на фотографии – очень красивые оба. Когда нас выгнали из дома, то мы некоторые вещи отнесли к соседям...И большие портреты в рамках под стеклом, где было много фотографий, в том числе и Григория с женой, тоже отнесли к соседям. В это время по ночам ездил по улицам обоз на санях, чтобы запугать жильцов, чтобы ничего не брали у «кулаков» и не сохраняли их имущество...Соседи испугались и изрубили и сожгли все портреты, которые были спрятаны у них в погребе. Дедушка жил в это время в Ташкенте и привозил нам в решете виноград. Там же в то время жил и прадедушка с женой, но когда они переехали в Америку – мы не знаем. Дедушка показывал нам их дом, где они жили. Другого прадедушку звали вроде Андрей, потому что дедушку звали Николай Андреевич, а Егор Григорьевич Пеньков был дедушкин зять – муж его дочери. Они жили в Ташкенте. Дедушку на ссылку не взяли, потому что он был старый...Он не ходил...И когда нас выгнали из дома, он был у соседей. Я бегала к нему, делала ему солёные ванны каждый день. Я жила у тёти. Все разбрелись по родным, но это было недолго. 18 марта 1930 года нас увезли, а дедушку кто-то отправил в Ташкент. Там жил его сын Иван Николаевич. Их после нас тоже сослали куда-то на золотые прииски. Там, кто туда попал, говорили, что жили неплохо, потому что дело имели с золотом. Но они недолго были там, вскоре они убежали. У них было четыре дочери и уже не маленькие. И они приехали в Ташкент и уже не голодали. Дедушку перевезли в Ташкент и похоронили его всей семьёй, только папа и Костя остались там на Севере.

28 августа 1983 года. Сегодня Воскресение. Я нахожусь на пасеке...далеко от дома. Утром приехала с бригадой колхоза. Рабочие колхоза быстро разошлись по полям... Я сижу одна, никого вблизи нет...Только птички чирикают. Кругом всё зелено, красиво... Большие поля хлопчатника ещё зелёные, хотя внизу на каждом корешке несколько коробочек уже созрели и открылись, готовы к уборке. Я очень люблю хлопок. Сидела и смотрела на поля, на защитные полосы леса... И мне вспомнилось время, когда мы с мужем вдвоём каждый вечер далеко прохаживались по дороге, которая идёт вдоль защитной полосы леса. Приятно вспоминать и в то же время грустно то, что уже никогда это не повторится на этой земле...И мне вспомнилось время, когда мы только встретились с мужем, поженились, когда мы считали себя самыми счастливыми на свете. И вспомнила я своё детство с маленького возраста и до замужества. О сколько до этого времени было переживаний!!!

Помню, как мы однажды ложились спать дома, а утром встали у бабушки и ничего не слышали, как ночью нас положили в рыдван и увезли к бабушке, да ещё по дороге потеряли Володю. Папа когда привёз нас, посчитал- шесть детей есть, а седьмого нет... Быстро побежал назад, а он спит на дороге- упал и не проснулся... Это было в войну в революцию, когда через наше село проходили то красные, то белые... Мы маленькие были. Очень боялись стука штыков, когда лезли солдаты то на чердак, то в подвал. Чего искали, не знаю, но стучали штыками, очень гремели. Мама резала кур, варила суп и кормила солдат. Помню была командир- звали её товарищ Бопкова / женщина /. Ещё спрашивали: « Вы за кого? За красных или за белых?» А как их различить? Они все одинаковые... Как быстро пробежала в моей голове вся жизнь...

В 1918 году умерла моя мама от родов. Восьмые роды... Было у неё приращение послета, а в селе не было даже фельдшера, только бабушка повитуха. За 12 км была фельдшерица. Привезли её. Она сделала ручное отделение и внесла инфекцию, получилось заражение крови, поднялась высокая температура... Срочно надо было везти в Самару. Папа попросил у дяди лошадь, чтобы отвезти маму в Самару, но он не разрешил... «Ещё будешь лошадь гонять...» — сказал дядя. Папа послушал его, так как он был старший. Маме с каждым днём было всё хуже и хуже... Бабушка – папина мама – была очень дружная с нашей мамой. Она очень испугалась и заболела. Ходит и всё стонет, как сейчас слышу её голос: «Ох, Аксюта умрёт, ох, Аксюта умрёт!!! Что же я буду делать???» Мама ещё жила, а бабушка три дня поболела и умерла. Бабушку похоронили. На похоронах ни проповеди, ни пения... Говорили шепотом, чтобы мама не слышала... Все сидели молча. Гроб стоял во дворе, чтобы мама не видела. А она, как будто сейчас слышу, всё звала бабушку: «Мамушка, а, мамушка... Что же ты не подходишь ко мне? Или уж умерла?» А через две недели и мама умерла. Это было невыносимое горе для всех нас! Самой старшей Наде было 13 лет, самый маленький был Коля, ему было полтора года, да ещё восьмой – жил две недели... Кормить его было нечем... Приходили две женщины, у которых были грудные дети, но когда придут, когда нет... Так и он умер... Когда маму хоронили, дети шли за гробом лесенкой... Все плакали... Очень тяжёлое было время для папы. Наде – тринадцать, остальные все на год меньше. Мне ещё не было пяти, Володе – три, Коле – полтора... Да Надя ещё в то время училась в Самаре в гимназии и скотина и хозяйство... Коров подоить надо... В селе много было родственников, но у всех своё хозяйство, помочь некому было... Поэтому папе через 6 месяцев пришлось жениться. Помню, как на свадьбе я села маме на колени, и помню, что я долго не могла назвать её мамой. Старшая сестра слышала, что я не называю её мамой, дала мне иголку и сказала: «Иди, отдай маме иголку». Я пошла из зала на кухню, а сестра следила, назову я маму мамой или нет... Так я и не смогла назвать её мамой... Сказала: «Эй, на иголку». Сестра вернула меня и заставила назвать маму мамой... После этого мне уже легче было называть её мамой. А вообще

я была в детстве очень плаксива, и если меня кто обидит, я никому ничего не скажу — сяду одна на крылечке и плачу...

Жизнь была после войны не лёгкой. Продуктов нет, кушать нечего. Ещё 21-й год — неурожай, голод, да ещё пожары... В 1921 году такой пожар был страшный — сгорело 175 домов, если не более, сгорело всё... Вещи выносили на улицу и от жары загорались и вещи, и всё погорело... Когда был второй пожар, горели те же дома, которые горели и прошлый раз. Сгорело 9 домов, ветер дул в зад этих домов, а там был сложен кизяк... И вот загорелся этот кизяк и горел всю ночь. Все мужчины караулили, чтобы не загорелись дома. Папа тоже был с этими мужчинами. У нас все вещи были сложены на фургон, и мы спали около фургона. На рассвете раздались крики о пожаре, мы все вскочили... Горел дом напротив нас. Но хорошо, что не было ветра, и наш дом не загорелся... Люди забрались на свои соломенные крыши и поливали водой, чтобы не загорелись от искр. Мы так боялись уже пожаров, что не хотели лета, лучше бы была зима, чтобы не бояться пожаров. С 1921 по 1930 годы было 4 пожара, но 2 из них были очень большие. И вот не смотря на такие трудности, дети растут и семья растёт. К 30-тому году уже совместных детей стало шестеро. В 25-ом Надю отдали замуж, а Костя в 27-ом году женился и опять семья не убавилась. 13 человек одних детей, да дедушка, папа с мамой... В 29-ом у Кости родился сын. Он уже семнадцатый человек в семье. Потом Гриша /с 10-го года/ как начали списки составлять, собрался и уехал в Ташкент. А Виктор уезжал в Златоуст, сделали с папой раздел. Там он проработал 6 месяцев и перед самым раскулачиванием приехал. Всё забрали, и Косте ничего не досталось. В 1929 году папа вывез хлебозаготовку, сколько обложили, и потом они опять дообложили... Папа опять вывез и отдал им всё. Уплатил всё. Уполномоченный по хлебозаготовке был прислан не наш сельский. И он дооблажил опять такую сумму хлеба, что сам знал, наверно, что у нас уже нет того, что мы не выполним, а это ему и нужно было, чтобы мы не выполнили и вот зимой в холод пришли и стали выгонять: «Выходите!» Открыли все двери... Мы вышли. Папа быстро собрался, взял документы, что выполнил, даже дообложили что он выполнил и уехал в Самару. Потом папа приехал. Ему там дали письмо, и в нём было написано — вернуть всё до куриного пера! Нас пустили опять в свой дом. Мы прожили месяц в своём доме. Мама за это время родила Броню — шестого ребёнка совместного. И этот уполномоченный как только впустили нас в дом, снова забегал, уехал опять и принёс бумагу дообложить второй раз. Уже точно знал, что мы не выполним.

И пришли второй раз и стали выгонять нас. Открыли дверь и сказали: «Уходите». Вот тогда папа увидел, что делать больше нечего. У уполномоченного уже был план выслать нас. На Севере нужны были рабочие руки на лесозаготовках, но папа не думал, что так быстро повезут... Он думал: «Если всем ехать, кто ждёт нас там с такой большой семьёй — одна мелюзга...» Одна семья уехала, так жили у одних людей, спали под столом... Папа уговаривал Костю поехать вместе, но он послушал жену и не поехал — у них был маленький ребёнок...

Самарская область, Чапаевский район, село Романовка.

Жили в селе мы большою семьёй,
Так звали нас – Коммуна – рой.
А знаете какая пчёлка,
И трутень ленивый не медовой???

Пчёлка бедная трудится,
Готовит пищу для себя,
А трутень ленивый не стыдится,
Отбивает у нея.

Так вот за то, что мы трудились
Не покладая своей руки,
И вот теперь мы всего лишились,
Добра и всей своей семьи.

Из дома выгнали, всё взяли,
Разбили всю Коммуну Рой,
Замолкли звуки физгармони,
Разбито всё, слетел наш Рой.

И вот когда нам объявили,
Что завтра мы вас повезём,
Куда же ? – Невольно спросили,
На Север – там место найдём!

Был вечер, мне грустно так стало,
Луна нам светила в окно,
У окна я так долго стояла,
Уж луна поднялась высоко...

Смотрела в даль, всё было тихо,
Кругом царила тишина,
Простилась с улицей в окошко,
И я уснула до утра.

Настало утро! О! То ужас -
Настал последний час,
Когда с родными мы простились
Быть может уж в последний раз!

Прощайте, милые подруги,
Прощайте наша вся родня,
Быть может, больше наши очи
Вас не увидят никогда...

Село взбушевалось...
Сбежались все люди...
Все плачут... За что же?
Зачем? Почему?

Милиция конная скачет,
Кричит: «Разойдись! Задавлю!»
Раздвинулись люди,
открылась немножко дорожка...

Лошадка тихонько прошла.
И снова сомкнулась дорожка...
И снова и слёзы и шум,
Толкотня...

И вот когда мы усадили
Своих малюток в санки,
То люди все на них смотрели,
И горько-горько плакали...

И нас помчали быстрым ходом,
И отдаляясь от села,
Далёко были слышны стоны,
И крик народа всего села.

Потом всё замерло, лишь было слышно,
Вьюгу, да шорох по снегу саней,
Да холодно детям, они все кричали:
«Мамочка, холодно, мама, скорей!!!»

Но как же матери смотреть
На замерзающих детей???
Она не может им помочь,
У неё малютка у грудей...

Дети были разного возраста: мне только что исполнилось 17 – /28
февраля/, Люба – 1919 года, Аня – 1921 года, Юлик – 1925 года, Броня – 1930
года...

18 марта 1930 года нас увезли. Мне было 17 лет. У мамы был месячный ребёнок... Нас повезли не в Чапаевск, а в сторону – через село Троицкое. В селе Троицком нас привезли ночевать в школу. Было уже темно. Утром опять погрузили и повезли на станцию Томылово. Чапаевск миновали, Томылово – это была первая станция от Чапаевска, наверное, потому, что по этой дороге меньше населённых пунктов, но всё равно нас встречали женщины, выходили и плакали... Знали, что «кулаков» везут... В Томылове долго поезд стоял. Погрузили нас в телячьи вагоны. Там были двойные нары. Мы заняли верхние нары. Я расположилась около окна, потому что мне очень хотелось смотреть в окно. Я ведь дальше Самары нигде не была. Но пока поезд стоит, мы вышли и стали стоять около вагонов.

Вдруг подходит охранник, который нас охранял и стал прогонять нас, говоря: «Уходите, что вы тут стоите?» А мы говорим: «Мы из вагона». – «Тогда идите в вагон, что вы здесь стоите?»... Можно было бы вполне уйти, но я даже не могла подумать уйти – как мама одна останется с такой мелюзгой?» Один одного меньше... Ей без меня отойти от них никуда невозможно... И вот заходит начальство со списком, проверяют... Начальник читает: «Котов Егор Николаевич», - и сам отвечает – «его нет – сбежал в Ташкент». А я сказала: «Если бы сбежал, то вы бы не знали, где он...» Он повернулся, посмотрел на меня и ничего не сказал. И после этого закрылись двери снаружи и поезд тронулся...

Поезд наш мчался
Скоростью бешеной,
Будто хотел он скорей
Угодить своей власти,
Власти помешанной,
Скрыть поскорей от людей...

Ехали мы долго. На больших станциях нас кормили – хлеб и что-нибудь горячее. Привезли в Вятку, покормили, потом привезли на станцию Лузу-300 км. от Вятки. Там нас выгрузили недалеко от станции. Там были уже построены бараки – строили их люди как и мы. Их привезли вперёд и вот они строили бараки – это как шалаши, но высокие крыши, по концам застеклены. В середине были трёхэтажные нары. Нам дали верхние нары, а внизу по краям тоже нары, но они от пола невысоко. По концам железная печка с обеих сторон. Печки топились. Света никакого нет... Крыши накрыты еловыми ветками, а сверху набросана земля. В бараке помещалось 300 человек. Земля была песчаная. Когда наступала весна, земля сохла и как где-то прорвётся, так песок сыпется на голову... Иногда падает в чашку с чаем... Потом мы стали подвешивать простыни к потолку, чтобы закрывали потолок.

Посёлок, в котором мы жили, был большой и там были разные нации: русские, татары, немцы, башкиры, латыши, эстонцы, только не было евреев. Очень трудно было купить чего-то. Детям нужно было купить молоко. И вот я с кем-нибудь ходила в деревню покупать молоко... Дети болели. Была эпидемия кори... Но наши дети все выжили. Мама с ними сидела, а я везде ходила по делам. Очень много умирало детей и стариков. Ночью слышим – кто-то плачет... Ребёнок умер... Кто раньше приехал – они почти всех детей похоронили. Один раз на первый день Пасхи из нашего барака поинтересовались – посчитали сколько в день проносили гробов мимо нашего барака и насчитали – 60 гробов. Это такое кладбище там осталось – говорят 20 тысяч могил оставили. Нас привезли в конце марта. Всех трудоспособных отобрали. И погнали их пешком на лесозаготовку. Туда, где до конца нашей ссылки была Усть-Чёрная база в самой почти вершине Камы, куда пароход только в навигацию и то только буксир продукты привозил, а летом на завозни от Усть-Чёрной до Гайна. У нас Костя там был, а нас летом на поезд погрузили и привезли в Котлас. Там белые ночи.

Там мы были не долго. Из Котласа нас по Вычегде реке повезли на большой барже вверх по Вычегде. Проезжали Усть-Усольск, Усть-Вым. И привезли нас в Усть-Кулом. Там пожилые тоже недолго и собрали нас группу 15 человек молодых и двое стариков сами захотели идти — у них здесь никого не было, а там сын. Дали нам сапоги, сухарей на дорогу и пошли. Почтальон вёл нас. Говорят, что 150 км. Но нам кажется, что больше. Очень частые болота.

Проходили одно болото, где лежало два бревна. Почтальон стоял, а мы одному проходили. Почтальон постоянно твердил: «Осторожно! Не оступитесь!» И пока все не прошли, он стоял так напряженно, как будто больше нас боялся, чтобы мы не утонули... Потом проходили болото 2 км. Это ещё труднее было – там было очень опасно, а здесь идти очень тяжело — одну ногу поставишь, другую никак не вытащишь... мох в воде и так тяжело было идти эти 2 км., что когда перешли и вышли на бор, тогда бросили котомки свои и сели отдыхать... Отдыхали долго... Когда пришли на Усть-Чёрную базу нас встретили родные... Меня встретил наш Костя. Наш посёлок был в 2-х км от Усть-Чёрной – он назывался Смагино и ещё было два посёлка – Ломовка и Дедовка. Комендатура была одна на Усть Чёрной.

Бараки здесь были уже построены. Они были уже хорошие, тёплые. Один барак на 4 семьи. Нас всех послали на работу – шкуровать деревья... Такие скобки дали и мы очищали ими кору, с дерева снимали. Потом пошли на повышение — пилить лес. Это трудновато было, особенно в начале, пока ещё не привыкли. Но быстро научаешься... Только и слышишь песню:

Давай, давай, ребята,
Давай, давай быстрей,
Чтобы кубатуру
Нам выполнить скорей...

А как только стали выполнять норму, обязательно добавят... Я стала выполнять норму и так долго работала. Наш поселковый председатель – Яков Петрович Нейфельд пожалел меня /я этого не знала, но мне сказала одна прислуга Маруся, которая жила у коменданта/. Он велел поощрять тех, кто хорошо работает. И вот однажды он вызвал меня и говорит: «Вот, Котова, за хорошую работу я переведу тебя в больницу сиделкой... Пойдёшь? – спрашивает...» - « Да, — ответила я. — Спасибо!» Он написал мне бумажку, и я стала работать в больнице. Там, конечно, не лес пилить... Я старалась хорошо работать, больные были довольны. Потом к нам положили одну больную с припадками. Она была жена главного бухгалтера с Верх-Чёрной базы. Детей у них не было. Она была очень красивой женщиной. Лежала она долго. Её часто посещало начальство. Когда настало время выписываться, она стала просить коменданта, чтобы ей выделили человека, который бы постоянно около неё находился, так как муж всё время на работе — она хотела иметь прислугу... Комендант пообещал из столовой одну белоруску. А она попросила меня... После работы я пошла в барак. Мы шили халаты больничные... И вдруг заходит эта больная – Елена Константиновна Полыгалова. Увидела меня и стала звонить по телефону... Она позвонила коменданту и сказала, что вы обещали мне Василькову, но я прошу Вас перевести Василькову в больницу, а мне дать Котову. Видно комендант согласился, потому что она заулыбалась и подошла ко мне и сказала: «Иди сейчас в барак, а завтра в 10 часов мы уедем к нам... Я ушла и на завтра к 10 часам была готова ехать с ней. Нас провожали много людей... Конечно мне там было не хуже, чем в больнице. Питались они хорошо. Потом купили корову, и она была на общей конюшне в одном километре от нашего домика.

Наш домик был один над рекой... Красивый вид... Я часто смотрела и любовалась окружающей природой. Мне стало гораздо лучше жить. В больнице последнее время лежало много больных с цингой — не было витаминов... И у меня что-то стали болеть ноги, больно наступать на ноги, утром очень трудно ходить... Потом днём немного расходишься, вроде лучше стаёт... Хозяйка заметила это и сразу же заказала капусту и уксус. Я стала кушать капусту и пить каплями с водой уксус и быстро всё прошло. Прожила я у них зиму. Весной она надумала поехать домой в отпуск на завод Нытва. Когда открылась навигация, мы вместе со сплавом на лодке поплыли на Усть-Чёрную... Я думала, что моё место в больнице уже занято. Куда же меня теперь пошлют? Как мы только приплыли, она сдала меня в комендатуру. Комендант сказал мне идти в посёлок. Место моё в больнице занято. Велел ждать завтра и тогда мне скажут, что делать. На завтра сказали, что 5 лодок отправляются с грузом на Верх-Чёрный и чтобы я с другими сопровождала лодки. Мы плыли 6 дней. На нашей лодке кормовщиком ехал десятник. Он доказал на кого-то, что они собирались в побег... И теперь он боялся расплаты. Такой страх на него напал... Кругом оглядывается, в глазах слёзы... Ему чудилось, что его подстерегают эти люди... Что как только мы доплывём, они поймают его и убьют... Мы его всячески уговаривали. Говорили, что это ему только кажется, что никого нет нигде, всё будет

хорошо... На ночь мы остановились отдыхать в одном месте... Утром встали, а его нет нигде... Звали, звали его, так он и не появился. К нам в лодку сел кормовщиком ответственный за груз... Когда мы приплыли на место нам сказали, что наш кормовщик застрелился. Мы рассказали, как он целый день мучился, а мы уговаривали его... Так жалко было, хороший был человек. Наверное, его обязали следить за всеми и докладывать, но он по характеру был очень чувствительный, не мог делать этого и не вынес переживаний, покончил с собой. Его жена рассказала нам, что она ушла с детьми в баню, а на стене висело ружьё. И пока её не было, он застрелился...

Когда мы сдали груз, мы хотели, чтобы нас сменили другие люди с других посёлков, но комендант опять послал нас, потому что мы знали как плыть. А плыть было очень тяжело. Речка была небольшая, иногда перегораживалась сушинами. Их никто не убирает. Мы вёслами бьём, бьём... С большим трудом продвигались вперёд. Было 2 переката... И так трудно было преодолеть эти перекаты. Сухопутно – всего 40 км, а рекой – 80 км. Речка извилистая... Когда мы доплыли до берега – нас все встречали на берегу, так как мы везли продукты... Когда завхоз снова увидел нас, удивился и говорит: «Что эти девчата опять приплыли второй раз?» Наш кормовщик-он старший над лодками, говорит: «Никто не сменил...» Тогда завхоз говорит: «Тогда мы сменим их». И вот меня поставили уборщицей в контору, а мою напарницу банщицей в баню. Здесь мне стало очень хорошо. Мне дали отдельную комнату, потому что я была и уборщицей и сторожем. Полы были деревянные... Выскоблишь... Такие жёлтенькие... Сотрудников мало, а земля песчаная... Дождь идёт и ноги не испачкаешь... Рядом была пекарня. Надя Косицина — моя подружка, приходила ко мне вечером, и мы с ней спали вместе. Хорошо было нам.

Иногда были пожары. Очень страшно горит лес! Кажется, что огонь поднимается до небес... А мы торопимся, копаем канавы неглубокие для того, чтобы, когда огонь дойдёт – не переходил дальше канавы. Если загорались сушины, то из-за них снова мог разгореться пожар. Для этого оставляют возле канав дежурных... Наведя порядок в одном месте, мы оставили дежурных и пошли с десятником на другой пожар... Но его мы не нашли, наверное, уже кончился и мы пошли тушить третий пожар... Этот пожар был возле базы Усть-Чёрной. Здесь горел торф. В торфе копать канавы гораздо тяжелее. Торф имеет толстый слой и не горит пламенем, а тлеет. Идёт один дым... Но когда пожар дойдёт до бора, то тогда разгорается сильный пожар – горят деревья, трава... Так мы закончили бороться с пожарами... Когда мы вернулись, с банщицей что-то случилось, и меня поставили работать банщицей. Я сначала помыла стены, потолок... Выскребла чисто, они были деревянные. И опять мне стало хорошо работать... Но тут вернулась из отпуска моя хозяйка Елена Константиновна.

Из начальства никого не было, все уехали на совещание, оставался только один муж хозяйки. Воспользовавшись этим, он снова забрал меня к себе. Елена Константиновна очень обрадовалась... Она передала мне от папы письмо. Папе я давала их адрес в Нытве, он заезжал к ним и попросил меня

опять взять к себе. И так я опять у них работала. Однажды зимой муж хозяйки Антон Андреевич что-то поссорился с приезжим начальством... Случилось так, что наша собака выбежала на улицу, а я побежала её загонять. В это время проезжало начальство, увидело меня у них дома и в отместку хозяину, сняли меня с этой работы и перевели снова на работу на лесоповал, а жене бухгалтера дали какую-то старушку. Мне дали лошадь коневодом возить лес. А у меня не было валенок. Я попросила, чтобы меня отпустили съездить на Усть-Чёрную за валенками. Меня не отпустили, потому что были ударные дни, работали без выходных. Я работала в кожаных сапогах и мешочных портянках... Один день был очень морозный и я обморозила большой палец на ноге... Как я мучилась всю ночь! А на утро нам должны были дать выходной. Тут пришли и сообщили, что выходного не будет, всем выходить на работу.... Я ничего не могла одеть. Пошла к десятнику и попросила освобождение. Он не дал. Сказал, может ещё дадут выходной... Мне было очень обидно. Я заплакала и ушла... Потом слышу кто-то пришёл и сказал, что дали выходной. Все обрадовались. Приходит Толков и говорит: «Ну, Вера, что ты так обиделась на меня... Я пошлю начальского конюха, чтобы он отвёз тебя в больницу». И действительно, меня отвезли в больницу.

Палец долго не заживал, приходила хозяйка в больницу посетить меня. Очень сожалела, что так получилось... Когда меня выписали, то назначили уборщицей в бараке. Барак был большой... Но я справлялась с работой — надо было мыть полы, убирать пыль. Вскоре разразилась эпидемия сыпного тифа. Тут же организовали больницу и меня перевели поваром — готовить еду больным. Мы получили походную кухню. С болезнью удалось справиться. И в походной кухне стали готовить еду для всех рабочих. Меня поставили поваром, и всю зиму я работала там. После этого собрали большую бригаду для завоза продуктов. Нам дали большую лодку, на которой по краям сделаны из досок дорожки. И вот по этим дорожкам мы должны бегать и шестами толкать лодку вперёд. Не вёслами, а длинными шестами — это легче, чем вёслами, но всё равно за день очень устаёшь. Когда мы закончили работу, все пошли кушать. Я что-то задержалась... Прихожу, а все уже едят... И все на меня что-то смотрят... А я на них... Я спрашиваю: «Что случилось?» Они ответили: «Да ничего, садись и кушай, а то уже всё остыло...». Повар принесла мне еду и я стала кушать. Когда покушала, мне принесли письмо с нашего посёлка от Капустиной, в котором она писала, что похоронили моего брата Костю... Я разрыдалась, и никто не мог меня успокоить. Утром приплыли ребята и сказали, что папа в Чайнах... Я стала просить, чтобы меня отвезли в Чайны. Начальником был молодой белорус. Он отпустил меня. Я покушала и ушла. Пришла в село, иду по улице, а мне навстречу идёт папа с Аней. Я сообщила им о Косте. Папа не выдержал, и тоже заплакал... Ему очень тяжело было перенести: «За что погубили столько людей?» И до сих пор, и до смерти не забудешь, что люди погибли ни за что... За то, что работали как волю...! Я с детства помню, сколько мы работали и на мельнице у движка, чуть туберкулёз не заработали, день и ночь работали, когда завоз был... Мельница у нас была очень

хорошая... Мука получалась хорошая – простой размол, просеянная и ещё какая-то вальцованная... Работа была с ранней весны до поздней осени. Зимой тоже ребята работали — Костя, Гриша... Скотину кормили, поили, убирали, чистили. Зимой в школу ходили. И работой и учёбой заняты были...

Когда мы встретились, папа пошёл к коменданту и попросил его оставить меня в селе, а его отправить на сплав. Комендант согласился. Я очень сожалею, что не папа остался в селе... Там была мельница и папа мог бы работать на мельнице, потом и маму забрать в село, а я бы поработала на сплаве. Но папа, наверное, хотел, чтобы я убежала. Мама хотела, чтобы я убежала ещё сразу по приезду... Она насобираала хлеба мне в дорогу и проводила меня до реки... Но уже приближалась весна. Лёд уже в некоторых местах таял и я боялась, что утону где-нибудь... Вот и теперь я боялась убежать одна... Папа дал мне лопатку... А что я могла с ней сделать? В горах земля как камень, её и ломом не разобьёшь... Я похожу по берегу, нарву щавелю, приду на квартиру, сварю этот щавель, посолю его и кушаю. На второе – каша из щавеля... И ложусь спать... Нет у меня ни постели, ничего. А утром опять тоже самое... Встретила меня на улице женщина из нашей бригады. Говорит: «Верочка, что ты так похудела? Приходи снова в бригаду, хоть сытая будешь». И я решила снова пойти в бригаду. Поставили нас на зачистку леса. Здесь хоть полкило хлеба дают... Он хоть ржаной и сырой, но 2 раза — утром и вечером дают. Это был 1933 год. В июне месяце нас послали – большую бригаду — с зачисткой. Мы поплыли на плотках, на которых построили будки. Их было семь плотов. Отправились на плотках с Усть-Чёрной и плыли с зачисткой 3 с половиной месяца, очищали берега. Когда идёт лес в разлив, вода даже выходит из берегов и лес плывёт в разные стороны. Иногда уплывает далеко от берега. Когда уровень воды садится, брёвна остаются на берегу... А когда воды ещё меньше, то брёвна лежат по всем склонам реки... Вот наша работа называется – зачистка – то есть, чтобы ни одного бревна не осталось сзади нас. Мы баграми толкаем брёвна в воду, если они лежат на склонах. Если они уплыли недалеко от берега в разлив, то мы их баграми зацепим и тащим несколько человек... Ну а если далеко лежат, то приходится брать и нести на плечах нескольким человекам. Иногда бывает в речке затор, за что-то зацепились несколько брёвен, а сверху лес напирает, и получается, что друг на дружку наваливаются и получают баррикады. Вот мы лезем на этот затор и расталкиваем баграми, пока все брёвна не расплывутся... Вот это называется – зачистка. Мы плыли 3 месяца и 22 дня. Когда мы закончили свою работу, ещё не доплыли до гавани, то нам сказали, что мы будем отдыхать, помоемся в бане, потом поплывём назад... Доплыли мы поздно вечером и нас уложили спать. А мы собирались вчетвером убежать: Шура Шнякина, Надя Косицина, Панька и я. Собрали свои баульчики, приготовили всё и легли спать... Утром, когда ещё мы спали, десятник кричит: «Сдавайте багры, скоро придёт пароход, и мы поплывём вверх». И всё же мы решили бежать. С нами хотела ещё бригадир бежать – Шура Шнякина. Мы доплыли до гавани вечером, нам сказали, что утром подойдёт пароход и мы поплывём на верх... А мы с подружками

приготовили баульчики с вещами и едой и утром рано решили бежать... То, что осталось из моих вещей, я попросила соседскую девушку потом передать маме. Мы встали рано, посмотрели – никого рядом нет, и скрылись в лесочке. А бригадир отказалась с нами бежать... Сказала, пойду посмотрю, что там на пароходе, как погрузка будет идти и прикрою вас. А то хватятся, тогда и вы не сможете бежать... Мы поблагодарили её. Потом подождали пока пришёл пароход, погрузился и ушёл... Было тихо... Бригадирша не пришла к нам. Она осталась и прикрыла наш побег.

Теперь мы должны были трогаться в путь. Встретился мужик, который шёл со стороны огородов. Оказалось, что это сторож. Он охраняет картофель. Он спросил: «Что девочки, домой пошли?» Мы ответили: «Слышите, пароход пошёл вверх? Мы должны были на нём уехать. А мы хотим домой уехать, да не знаем дороги. Куда идти и как дойдём и куда попадём, не знаем». Дедушка сказал: «Если будете хорошо себя вести, я помогу вам». Он принёс варёной картошки и сказал, что вдоль берега дорога далеко идёт... Мы поблагодарили его и пошли... Идём дальше... Встречается молодой парень, тоже спросил: «Что девочки, домой пошли?» Мы тоже ответили «Да». Потом догоняет нас женщина местная. На лаптях красные оборочки... Дорожка стала расходиться. Мы спросили, по какой дороге нам идти? Вправо или прямо... Она сказала сначала вправо, потом прямо... Мы не стали ей верить и пошли вправо... А женщина та остановилась и говорит, чтобы шли за ней... Вдруг дорожка разделилась, подружки и женщина остались слева, а я справа... Я вышла на гумно. Там молотили хлеб. Меня увидел молодой человек в белой фуражке и бежит ко мне и говорит: «Ага, сама пришла! Пойдём я тебя к председателю отведу!»

Я иду за ним. Парень довёл меня к председателю и ушёл... Председатель спрашивает: «Что у тебя в сумке?» Я открыла сумку. Там лежали новые сапоги, материал на платье... И был отрез 3 метра белого батиста. Председатель попросил показать ему материал... Я дала, он посмотрел и говорит: «Вот если отдашь материал, то я отпущу тебя» Я сказала: «Бери».

Он быстро спрятал отрез в негоряемый ящик, и сказал: «Пойдём, я покажу тебе, как идти». От показал идти возле огорода, потом по дороге в лес... Тут опять встретился парень в белой фуражке – вёл моих девчат... Председатель пошёл с ними, а я пошла по указанной дороге. Встретился мне молодой мужик верхом на коне, спрашивает: «Идёшь?» Я говорю: «Иду». Он говорит: «Ну, иди». Я решила вернуться к деревне. Встретила бабушку. У неё спросила, не видала ли она двух девушек? Бабушка ответила, что не видала и сказала, что у нас там сейчас молотба идёт, наверное, их забрали...

Тогда я вернулась назад и свернула в лес... Слышу мои девочки кричат: «Вон она!» Мы зашли в лес и они начали рассказывать, что их хотели куда-то отправлять, привели мальчика куда-то вести, они дали ему 5 рублей. Тут прибежала мать, стала ругать мальчика, велела отпустить девчат, показала дорогу и забрала мальчика. Так они пришли в лес. Мы пошли в

село. Встретили мужа с женой, предложили им сапоги, но они им не подошли. Дошли до последнего дома, спросили дорогу. Хозяева сказали, что впереди есть небольшая речка. На ней должен стоять паром. На нём надо перебраться на другую сторону. Если паром на другой стороне - они сказали, чтобы не шли по реке – она глубокая. К счастью паром стоял на этой стороне. Мы благополучно переплыли и пошли до ближайшей деревни. Как раз на краю была банька. Она была натоплена. Тут пришли две женщины – одна молодая, другая пожилая. Мы попросились переночевать. Хозяйка сказала: «Хорошо, девочки, мы сейчас искупаемся и уйдём, а вы ночуйте спокойно, никто вас не потревожит». И действительно, в бане было тепло, и мы хорошо спокойно поспали. Утром увидели дедушку старенького, спросили у него дорогу и, поблагодарив его, продолжали путь... Шли мы долго. Не было больше деревни... Потом, наконец, дошли до деревни и попросились ночевать у одной вдовы. Она нас очень хорошо приняла. Дала нам молока покушать и уложила спать. Утром проснулись, она нам говорит: «Девочки, сегодня воскресенье. Все пекут шанечки. Вы идите, только не просите ничего купить, вам ничего не продадут... Вы идите и просите: «Подайте Христа ради ». Вам всё подадут. Только просите «Христа ради », и вам подадут... Стыдно было нам просить, но мы были голодные. Заходим в первый дом – там пекут шанечки... Попросили: «Подайте Христа ради ». Нам охотно подали. Мы тут же съели и опять кушать хочется... Зашли мы в другой дом... Сидят муж с женой. Мы попросили. Муж говорит жене: «Иди, принеси кувшин молока, пусть девочки попьют». Она принесла молоко и напоила нас. Мы поблагодарили и пошли дальше. Вечером мы вернулись на ночлег к той же вдове. Она стала меня просить продать ей мою гребёнку, понравилась она ей. Я сказала, что это папина память... Но в благодарность за добро, которое она нам сделала, я подарила ей свою гребёнку. Хозяйка напоила меня простоквашей. Наверное, она была несвежей, потому что когда мы в понедельник пошли дальше, я заболела...

Дошли до первой деревни... Было ещё рано. Попросились в один дом. Хозяйкапустила нас. Узнав, что я заболела, она сказала, что не отпустит нас, пока я не выздоровею. Рассказала, что в прошлом году один мужчина шёл, и только прошёл нашу деревню, упал и умер. Поэтому я не пущу вас. И стала лечить меня. Ходила к какому-то старику за сухарями и кормила меня сухарями. Мы пробыли у неё три дня, пока я совсем не выздоровела. Потом эта женщина увидела у меня хорошее платье, я его ни разу не одевала, берегла, чтобы одеть, когда приедем домой. Оно было простое вишнёвое, но хорошее. Сшили мне его женщины немцы ещё в Смогино. А материал получила как премию за хорошую работу. Вот я и берегла его. Хозяйка говорит: «Отдай мне это платье, а я перевезу вас на лошади через самую опасную деревню». Как же не отдать, если она три дня лечила меня? И вот она рано утром посадила нас в повозку и повезла, за деревню отъехала и говорит девчатам: «Пусть она больная едет, а вы идите пешком, а то лошади тяжело». Бедные девчата идут пешком за повозкой, а мы с ней вдвоём едем... Долго ехали... И вот деревня. Она заехала в деревню, показала нам дорогу и

говорит: «Идите теперь вас никто не тронет». Мы поблагодарили её за всё и пошли. Здесь мы долго шли, не было деревни. Уже сумерки... И вот вышли к деревне. Прямо напротив большой двухэтажный дом. Окно открыто. Из окна видно много голов. Мы попросились ночевать... Нам ответили: «Нас и так много». Мы только отошли от этого окна, выходит из этого дома мужчина и говорит: «Пойдёмте ко мне, девочки». Мы сказали ему «спасибо». Хозяин спросил: «откуда вы?» Мы сказали. Он, оказывается, председатель колхоза. Мы думаем: «что же будет?» Его дом самый крайний. Заходим... Он говорит жене: «Ставь, жена, чугунок картошки и неси кувшин молока... А пока будет вариться картофель, мы послушаем девчат»... И вот уселись все и он стал спрашивать... Мы отвечать... Рассказывать откуда мы, где были... Они с вниманием слушали... И вот сварилась картошка... С каким удовольствием мы кушали картошку с молоком. Я и дома любила её, а здесь она была ещё вкуснее! Мы ещё много говорили и муж удивлялся, а жена плакала... Наконец, уложили нас спать... И муж ей говорит: «Смотри, завтра не отпусти девчат голодными... Утром просыпаемся, а картошка уже варится... И молоко стоит на столе. Хозяйка говорит: «Давайте, девочки, садитесь, кушайте...» Мы опять накушались, поблагодарили хозяйку и только выходим – идёт хозяин и говорит: «Девчата, идите, вон там видно – наши женщины копают репу, скажите им, что я сказал, чтобы они дали вам репы». И вот мы подошли и сказали им, а они наперебой – кто печёную, кто сырую – надавали нам, такая вкусная репа! Мы всю дорогу кушали её. Председатель объяснил нам, как идти, только он беспокоился, будет ли переправа через Каму? Когда мы дошли до реки Камы и увидели старичка на лодке, мы попросили его и он перевёз нас... Соликамск виден так близко!!!

Но старичок сказал, что до Соликамска 7 км. Нам даже не верилось... А когда пошли – долго шли... Поверили... Идём и говорим между собой: «В деревне проще, нас пускали, а в городе кто нас пустит?» С самого конца все маленькие домики... Мы подошли к первому домику и спрашиваем: «Пустите нас переночевать?» Отвечают: «Где тут ночевать, самим тесно». Идём дальше... Стоит большой дом. Постучали... Ответили: «Войдите». Заходим... Сидят две женщины. Одна очень печальная. Мы попросились переночевать... Хозяйка говорит: «Ох, девочки, где же я вас положу? Семья большая, да ещё квартирантка живёт...» Мы сказали: «Тётя, вот здесь, только бы в комнате» — и указали на месте около порога. «Ну ладно, оставайтесь»... Оказывается, хозяйка недавно похоронила мужа. Мы положили свои сумки, времени было ещё мало, но мы никуда не пошли. Вечером все собрались. У неё 2 сына, дочка – звать Вера – наша ровесница, все молодые, квартирантка тоже молодая женщина. И вот они попросили нас рассказать, откуда мы. Мы всё рассказали — откуда мы, где были и как пришли сюда... Они с таким вниманием слушали нас до поздней ночи. А утром мы пошли в город... Я опять продавать, а они пошли по магазинам... Нашли коммерческое печенье, купили по 100 грамм. Через некоторое время идёт одна Панька и говорит: «Вера, ты знаешь кого мы встретили?» Помнишь, Надя говорила, что у неё в Соликамске подруга была? Вот зашли

мы в магазин... И вот зашла в магазин её подруга. Хорошо одетая и подошла к прилавку... Надя подошла к ней сзади, потихоньку взяла её за рукав, а она с таким гонором повернулась и говорит: «Что тут ещё?» Надя ничего ей не могла сказать, заплакала и отошла... А Панька видит, что она не узнала Надю и говорит: «А ты знаешь кто это?» Она тогда обратила внимание и сказала: «А кто это?» Панька сказала: «Это Надя Косицина». Она тогда бросилась к ней, обняла, извинилась и рассказала, что её двоюродный брат живёт на картофельном комбинате, и ещё муж с женой — односельчане — они бездетные — живут недалеко от базара. И Надя с ушла с подружкой. Мы с Панькой тоже пошли туда и нас там очень хорошо встретили, покормили. Поговорили обо всём и пошли на свою квартиру, так как у них не было места — всего одна комната, а там нас уже ждали и беспокоились, почему нас так долго нет. И опять разговор до позднего вечера... Мы стали спрашивать, как нам дальше ехать? Теперь и поезд и пароход есть... Но нам ехать страшно, так как проверяют документы, а у нас их нет... Мы решили утром поехать на картофельный комбинат к Надиному двоюродному брату. Нашли его. Это была для него неожиданная радость. Переночевали у него. Посоветовались с ним, как нам дальше ехать... Было ясно, что ни поездом, ни пароходом ехать нельзя, пешком тоже невозможно. Решили, что можно поплыть по реке, но где найти лодку? Односельчане предложили взять одну из лодок, привязанных вдоль речки возле домов... Мы решились на это. И вот в сумерки спустились к воде и стали выбирать лодку из тех, что привязаны возле домов... Дошли почти до самого конца... И вот привязана очень хорошая большая лодка из осины, лёгкая... Мы отвязали её, и поплыли вниз вдоль берега. В конце города, недалеко от того места, где живут односельчане, мы привязали лодку и пошли к односельчанам. Лодка теперь была, а вот ни одного весла... Жена односельчанина говорит: «Посидите здесь, я сбегая, возьму на кухне лопатку, которой пироги в печку сажают, хоть управлять на корме будете». Она принесла нам лопатку. И ещё они дали нам топорик, чтобы можно было дровишек для костра нарубить. Дала также сухарей... Подругу Нади мы так больше и не видели. Перед отплытием мы пошли к первым хозяевам и сообщили им, что мы уплываем... Поблагодарили их. Они все трое пошли нас провожать до самой лодки, плакали при расставании. Мы сели в лодку и поплыли медленно, а они стояли и смотрели, пока нам не видно их стало... Течение речки тихое, она извилистая, и мы плыли эти пять километров до самого устья реки Камы. В самом устье реки Камы метров 50 лодка не стала проходить — мель. И вот мы с Надей вытащили вещи на берег и лодку перетащили в Каму, привязали лодку к берегу и принесли вещи и поплыли. Нам навстречу дул холодный ветер. По берегу рабочие идут на работу и все смотрят на нас, а мы плывём и ни с места, холодно... С большим трудом проплыли маленькую пристань, хотя скрылись от неё за поворотом, река немного повернула вправо и стало хоть чуть-чуть легче плыть... Но мы замёрзли и подплыли к первому бакенщику, зашли к нему, попросились погреться. Он разрешил и предложил скамеечку возле чугунной печки. Мы сели, и он стал нас спрашивать откуда

мы? Мы стали рассказывать... Пришла его жена, стала слушать, потом расплакалась... Потом мы рассказали про лодку, что у нас нет ни одного весла... И он с большой охотой сказал: «Сейчас я вам сделаю!..» Сел в свою лодку, переплыл на другой берег. Там стояла лодка. Взял с неё вёсла, привёз нами все наладил. Как мы были ему благодарны! И он предупредил нас: «Ночью ни в коем случае не плывите, потому что ночью лодки обстреливают и вас заберут. Плывайте только днём. И держите себя бодро, не бойтесь, смело плывите! И тогда вас посчитают за местных жителей, а если вы будете бояться и оглядываться, быстро поймают... И он посоветовал нам эту ночь ночевать, не доезжая до Березников. «Есть барак сплавщиков – вот вы попроситесь там. А то в Березниках тоже могут задержать. Когда Березники будете проплывать, плывите свободно, не разглядывайте, а то можете привлечь внимание. Но проплывёте Березники, первое село будет Орёл. Не оставайтесь там ночевать. Там много активистов. А перед Орлом есть Курья, она вначале села уходит влево, а в конце села опять входит в Каму... И вот вы проплывёте её и там подальше проситесь, но только хорошо, если там есть вода, то бывает – высыхает... И до темна не доводите, засветло проситесь...» Сердечно поблагодарили мы дедушку и поплыли. Очень он сделал для нас – этот дедушка... Какие ценные предупреждения дал нам!!! День был холодный. Мы доплыли до деревни, пошли, попросились погреться, нам разрешили. Мы сели в комнате. Но они ещё не топили, и мы ещё больше замёрзли. Быстро ушли и поплыли. И вот увидели впереди будку бакенщика, подплыли и скорее в будку. Попросились, они охотно нас приняли. Тут опять нас стали спрашивать, кто мы и куда мы плывём... Мы опять стали рассказывать... Бакенщик был вдвоём с женой. Когда мы рассказывали, жена плакала, потом разрыдалась... «Доченька моя, наверное, и ты вот также где-нибудь скитаешься...» Бакенщик рассказал, что во время коллективизации её дочь убила активистку, и за это её забрали, и они не знают где она сейчас. Мы погрелись, поблагодарили и поплыли дальше.

И как раз мы подплыли к бараку уже к вечеру, перед самыми сумерками... Берег высокий, ступеньки. Мы хорошо привязали лодку и пошли в барак. Заходим... Внутри очень много рабочих. В углу стоит стол, за столом сидит человек. Мы подошли к нему поближе и попросились ночевать. Он смотрит на нас с удивлением, но не спрашивает, откуда мы и куда, а говорит: «Где же мы вас положим? Видите, сколько рабочих?» Мы говорим: «Да вот под этим столом, только в помещении». Он молчит, смотрит на нас... И вот слышим, один рабочий говорит: «Вот, Березники совсем близко». А другой говорит: «Да ведь их там поймают!» Тогда этот начальник говорит: «Ну ладно, девчата, оставайтесь!» Мы так обрадовались. Тут женщина одна стоит — пригласила нас – садитесь – там скамеечка... Оказалось, что это жена начальника. Она стала также спрашивать... Но не долго мы с ней поговорили... Места всем хватило и мы легли спать. Утром мы поблагодарили хозяев и поплыли. Приплывали к пристани, боялись, но держались бодро по совету дедушки.

Плыли посередине реки. С одной стороны – пристань, с левой стороны – химический завод. Проплыли рады, но вот теперь ещё это страшное село Орёл. Немного отплыли от Березников, навстречу идёт пароход пассажирский. Мы свернули ближе к берегу. День был солнечный. Но холодный ветер был не попутный, мы замёрзли. Вот уже виден Орёл. А, не доезжая Орла, на берегу, мы увидели будку бакенщика. Мы решили погреться. Но когда мы были на середине реки, будку было видно, а когда мы подплыли к берегу, тогда нам будку не стало видно. И нас тоже не было видно будке. И вот несколько метров не доезжая до берега, лодка встала то ли на мель, то ли на корягу, но не двигалась с места. Мы решили снова отплыть на середину. И вот когда мы были уже на середине, мы увидели, что из будки вышел молодой человек с большой собакой. Он остановился и смотрит на нас. Но мы снова сделали вид, что никого не боимся... Только говорим друг другу: Вот почему мы не подплыли к берегу...» Парень постоял некоторое время и вернулся в будку. Мы радовались, что избежали одной опасности. Но мы ещё боялись Орла... Вот уже близко Орёл. Ветер так мешает плыть, долго плывём. И смотрим влево на речку Курью — есть ли в ней вода? Подплыли ближе. Видим – есть! Мы свернули в неё, и всё село проплыли, и нас никто не видел. Когда мы снова заплыли в Каму, то впереди увидели сплавные будки, т.е. на плотках будки, на противоположной стороне Орла. Было время, чтобы куда-нибудь причалить и ночевать... Мы подплыли к этим будкам — никого нет. Мы посмотрели в окно – лежит мужчина. Мы попросились переночевать... Он говорит нам: «Вот, сейчас приедут все наши, они сейчас на совещании в Орле. Они дадут вам переночевать!!!» Мы скорее убежали в лодку и постарались скрыться с глаз. Беспokoимся. Солнце уже село. Где будем ночевать? Плывём дальше. Увидели впереди высоко на берегу будку бакенщика. Пошли в эту будку. Зашли – старичок внутри. Попросились переночевать. Он охотно согласился. Посадил нас. Он стал спрашивать. Мы рассказали о себе. Старик стал говорить: «Зачем вы плывёте на лодке, вас могут обстрелять. На лодке вас поймают. Надо пешком идти, селами, люди вас кормить будут... У меня вот украли лодку, я искал её и знаю, что лодки обстреливают...» Когда он это говорил, у меня появилась мысль, что дед хитрит, хочет нашей лодкой воспользоваться. Мы ему ничего не сказали – легли спать. Утром только собрались выходить, вдруг нам навстречу выходят двое мужчин и говорят: «Это что у тебя за гости?» Слышим дед говорит: « Это девки ходили по ягоду, запоздали и вот ночевали...» Больше мы ничего не слышали... Я пошла вниз за лодкой, а они пошли берегом, опустились пониже. Я отвязываю лодку... Вижу и старик опускается и шёпотом говорит: «Не плывите – поймают!» Я отвязала лодку, сказала ему «Спасибо», подплыла к девчатам, они сели и мы поплыли...

Плыли долго. Хорошо везде был лес. Уже обед. Подплыли к небольшому селу. Подплыли к берегу, привязали лодку и пошли вверх. Подошли к двухэтажному дому. Дверь входная была открыта. Из коридора направо дверь тоже открыта. Сидит пожилой мужчина. Видно, сапожная мастерская. Вверх – маленькая лестница. Мы пошли вверх. Заходим в

комнату. Сидят двое – старушка и мужчина пожилой, помоложе того сапожника. Мы попросились погреться. Они нам показали садиться, спросили, откуда мы? Мы сказали неправду — сказали: «снизу». Мы немного посидели, погрелись, поблагодарили и пошли. Люди эти нам понравились, но мы у них ничего не просили. Затем мы пошли в другой соседний дом. Мы попросили купить что-нибудь из продуктов. Вышедшая женщина с таким злом ответила: «Мы сами голодаем, а вы ходите, работать не хотите...» Мы сразу же ушли. И опять пошли в первый дом, подошли к бабушке и сказали: «Бабушка, простите нас, мы вас обманули, мы плывём сверху, издалека. Мы очень голодные, хотим кушать. Нам надо купить хотя бы картошки... Мы спросили у соседей купить, а они нас обругали. Продайте нам, пожалуйста. У нас совершенно нечего есть». Бабушка принесла нам немного картошки. Я попросила у неё нож, стала резать картошку на кусочки и давать девочкам по – очереди. Они ели и так хвалили, что такая вкусная картошка! Бабушка смотрит на нас, что мы кушаем сырую картошку, удивляется... Вынесла нам по кусочку хлеба. Мы съели хлеб и опять стали есть картошку... Бабушка снова принесла хлеба. Смотрит на нас, плачет, говорит, что у неё дочь тоже где-то скитается... А сапожник принёс нам печёную картошку. Старушка послала сапожника к одной вдове купить картошки. Мы дали денег и он принёс нам ведро картошки. Сапожник также написал нам путевой лист до самой Перми — где можно останавливаться, где нельзя, какие деревни по дороге, какие пристани... Когда мы с сапожником разговаривали, в окно увидели тех двух мужчин, которые пришли к старику. Оказывается, это был председатель колхоза и другой какой-то высокий начальник... Мы попрощались с хозяевами и пошли к реке. Они провожали нас со слезами. Мы опять поплыли. Долго мы плыли и никак не было ни деревни, ни будки... Вот мы увидели дорожку от берега вверх. Мы причалили, привязали лодку и пошли вверх. Увидели избушку и пошли туда. Там был мужчина. Попросились ночевать. Но мужчина сказал: «Девчата, я бы пустил вас, но здесь рядом переселенческий пункт, и начальство ночью едет и проверяет, спросят, кто вы?.. Лучше плывите, тут недалеко есть три дома. Они пустят вас». И мы поплыли. Было уже совсем темно. Панька просила уже остановиться на берегу и развести костёр и спать на земле, но мы терпеливо плыли...

Вот вдали показался огонёк... Мы так обрадовались... А когда подплыли, оказалось, что это на высоком столбе горит лампа или фонарь... Мы поплыли дальше... И долго ещё плыли, пока доплыли. Девчата гребут, хоть немного греются, а я на корме — там ещё холоднее. Не знаю, сколько мы плыли, но, наконец, увидели огонёк! Увидели свет из окон! Подплыли, привязали лодку и пошли вверх. Заходим в один дом – там много рабочих. Попросились ночевать. Говорят: «Оставайтесь, вон на печке с уборщицей спите. Откуда вы?» Мы сказали: «снизу». Мы спросили, где можно сварить картошку? Нам сказали: «Идите в другой дом, там есть кухня и печка». Мы взяли картошку и поставили варить. Тут пришёл один парень и стал спрашивать, откуда снизу мы приплыли. Почему мы на лодке, а не на

пароходе? Мы ответили, что нам так захотелось. И он отстал от нас. Картошка сварилась, мы покушали и легли спать... Только легли, как забегают уборщица, кричит, чтобы все выбегали разжигать костры, из Орла сбежали ссыльные. Все ушли, а мы стали спать. Утром только рассвело, мы потихоньку собрались и ушли. Нас видели только рыбаки, остальные все спали. Мы быстро сели в лодку и поплыли. В этот день не знаем сколько мы плыли, но время было близко к обеду, видим впереди по берегу идёт милиционер, а за ним старички и женщина с ребёнком, за ней ещё человек 15, а затем опять милиционер... Они такие уставшие... Так жалко их стало!.. Мы незаметно выплыли на середину и приняли независимый вид, держали головы бодро, а сами посматривали на этих людей, и так нам их жалко было... После обеда мы уплыли уже далеко. День был солнечный, тихий, нам не было холодно.

И вот мы остановились на одном месте, вышли на берег и поднялись наверх. Смотрим, лежит человек мёртвый, видно, что ещё молодой, но он уже разложился, немного покрытый мохом. Узнать уже невозможно, лежит одетый. Деревья закрывают его от солнца... Тяжело смотреть на него. Думаем, наверное как мы добирался домой и заболел, или от голода не стало силы, лёг и не встал больше... О, бедный, несчастный молодой человек!!! За что погиб, и сам не знает... Постояли мы около него и пошли дальше. И вот интересно: тогда было такое состояние, что мы не плакали, чтобы не случилось с нами. А вот сейчас, когда я пишу эти строки — всё пережитое — не могу без слёз вспоминать и писать... Почему тогда не было слёз? Или я их всех выплакала, когда я встретила папу или когда он проводил меня, когда я ушла... Я уже далеко ушла, обернулась, а он всё стоит и смотрит... Я две недели плакала, сердце, наверное, чувствовало, что не увижу его больше...

Оставили мы этого мёртвого человека, и поплыли дальше. Долго мы плыли и решили остановиться в одном месте. Привязали лодку и пошли на берег... Попросились в самый первый дом, хозяйка вышла и тихо говорит нам: «Девочки, у нас сейчас всё начальство, поспешите скорее уйти, а то вас могут задержать». Мы быстро ушли, сели в лодку и уплыли дальше. Вот уже и солнце стало садиться, сумерки наступили, и ничего не видно, темно...

Наконец, показалось село. Мы привязали лодку, идём вверх, село высоко стоит от берега. Не доходя до домов на правой стороне стоит колодец, чуть повыше – баня с левой стороны. Пар идёт, значит – тёплая... Я предложила зайти в баню и там переночевать, А Панька и Надя просят зайти в первый дом. Я очень не хотела туда идти, но они упростили меня. И вот мы зашли. Видим там девочки сидят, человек пять и вяжут чулки... Мы попросились ночевать... Вдруг вскочил молодой парень и с таким восторгом говорит: «Вот хорошо! Сами пришли!» И стал торопливо одеваться. Мы хотели уйти, но он задержал нас. Девушки ему говорят: «Да не ходи, отпусти девушек, пусть идут... Какое твоё дело?» Но он настоял на своём и повёл нас... По дороге мы видели как играли подростки. Много их... Дошли мы до сельсовета. Там темно, нет света... Он оставил нас в одной комнате, а сам пошёл в другую. Мы сели на скамейку. Сидим мы у самой двери. Слышим

парень говорит: «Вот, убежавших привёл...» Председателя нет, он с девушками разговаривает. Они ему говорят: «Да отпусти ты их!» А он всё твердит: «Нет!» Выходит он с девушками... Одна из них лампой осветила на нас, да и говорит: «Ой, да молоденькие какие!!!» И ушли назад. Много что-то с парнем говорили, стали смеяться, отвлекать его... Мы потихоньку вышли и пошли мимо подростков играющих и прямо в баню... Она была пустая, деревянная и тёплая. Мы сильно устали, поэтому быстро улеглись и быстро уснули. Никто за нами не гнался, слышно было только, как ребята играли. Мы поблагодарили Бога за девушек, которые защитили нас. Утром мы встали очень рано, и ушли к лодке. Нас никто не видел, кроме одного мужика, который набирал воду в колодце. Отдохнувшие и довольные мы поплыли дальше.

Этот день мы долго плыли, не видели никаких населённых пунктов. И вот уже вечер... Мы уже стали беспокоиться, уже сумерки, уже темно, а мы всё плывём... И вдруг мы увидели стоит ВОЗ. Мы быстро завернули к нему. Привязали лодку, заходим в будку... Там люди... Просимся переночевать... А они на нас смотрят удивлённые... Откуда взялись? Посреди реки стоим и вдруг девчонки заходят... И спрашивают: «Вы откуда такие взялись?» Мы говорим: «Из лодки! Мы замёрзли. Пустите переночевать...» Они все в один голос: «Пожалуйста, садитесь, грейтесь...» Мы сели около чугунной печки, которая была вся красная... «Расскажите нам, откуда вы и куда путь держите? А ночевать вас отведём в другую будку, там меньше людей и есть уборщица – женщина, а у нас очень много рабочих». Они опять попросили нас рассказать о себе. Мы всё честно рассказали, что едем домой, а куда попадём, не знаем. Рабочие сказали: «С нами доплывёте». И вот их лоцман повёл нас в другую будку. Нам постелили около печки, и мы быстро и спокойно уснули. Утром только проснулись, лоцман кричит: «Девочки, скорее одевайтесь. Сверху идёт пароход, тоже тянет ВОЗ. Вы садитесь в лодку, и как только он пройдёт нас, так вы плывите, цепляйтесь за хвост и плывите. Там мой знакомый лоцман. Он хороший. Скажите ему, что вас послал лоцман Зайцев, потому что мы сидим на мели, а с ним вы быстрее будете в Перми...» Пока мы собирались, ВОЗ уже проплыл. Но он идёт тихо, а на лодке быстрее можно ехать. Мы поблагодарили всех и Зайцева и поплыли. Подплыли, уцепились, привязали лодку, и зашли на ВОЗ. Подошли к костру, а около костра дном к пароходу опрокинута лодка большая. Мы сели под лодку и сидим греемся у костра. Никого нет. Мы спокойно плывём... Потом подходит один рабочий и узнал нас. Он работал на Верх-Чёрной. Я его мало знала, Надю он хорошо знал. Потом он уехал на пароход и ничего не сказал, наверное, не хотел нас выдавать... Мы долго сидели, пока грел костёр... Жар уже потух, наступил вечер и мы замёрзли... Мы решили плыть в пароход. Собрались. Сели в лодку и поплыли. Пока плыли рядом с ВОЗом нас не видно было. А когда обогнали ВОЗ, когда плыли между пароходом и возом, нас стало видно. И вот мы видим — подошёл к корме мужчина и смотрит на нас в бинокль.

Мы подплыли к пароходу, привязали лодку к лодке, которая плыла сзади парохода и хотели подняться на пароход. Мужчина спрашивает: «Вы откуда?» Мы сказали: «Пустите на пароход, тогда скажем...» Он говорит: «Давайте». Подошёл к нам ближе, подаёт нам руку, крикнул рабочим, они подошли, взяли у нас вещи, помогли нам подняться на пароход, хорошо привязали нашу лодку... Мы стоим, а они окружили нас и стали расспрашивать... Мы рассказали, что нас лоцман Зайцев послал к вам... И вот они как родные стали относиться к нам. Тут стояла пожилая женщина. Она сказала: «Ведите их в машинное отделение, они ведь замёрзли! И вот нас повёл один человек, оказалось, машинист. Он нам говорит: «Садитесь!» — показал нам на толстую трубу. Мы подошли, но боялись сесть... Тогда он сам подошёл и сел... Тогда и мы сели. Он с нами разговаривал и говорил: «Не бойтесь, у нас вся команда очень хорошая. Лоцман у нас очень хороший». Пришла жена капитана и повела нас в каюту. Мы как зашли в каюту, так нам не поверилось – мы попали в чистую, светлую и тёплую комнату... От радости, мы не знали, что делать... Мы просто неожиданно оказались в такой замечательной комнате! Первый раз за все годы нам дали две койки. На одной одна спала, на другой – двое. Третья была для кочегара. Но мы так и не увидели кочегара, он не приходил. Мы были очень рады и быстро уснули. Утром мы только проснулись, пришли к нам капитан с женой, оба пожилые. Стали нас спрашивать. Мы рассказали всё честно. Они очень удивлялись... Капитан спросил, есть ли у нас еда? Мы ответили, что была картошка, но мы её уже съели и теперь у нас ничего не осталось. Капитан сказал: «Я скажу ребятам, если у них что есть лишнее, пусть продадут вам, а там, в Перми есть коммерческий магазин, там можно купить хлеб». Немного погодя мужчина принёс нам хлеб и денег не взял. Мы хорошо покушали. Ребята попросили нас постирать им вещи. Мы постирали вещи, и сами помылись... И постирали своё бельё. До Перми мы долго плыли. Пароход идёт очень медленно. Но нам было очень хорошо и спокойно ехать на пароходе. Все к нам относились хорошо, как родные, и кормили нас.

По дороге один попросил попользоваться нашей лодкой. Они проплывали мимо его дома. Мы разрешили. Он съездил домой, переночевал там и догнал нас утром. Лодка ему очень понравилась. Женщина одна сказала, что, не доезжая до Перми, можно сойти на Мотовиловке, там продать лодку и быстро приехать в Пермь... Мотовиловку мы проплывали ночью. Там на берегу было очень много разных складов и охраны... Хорошо, что мы не вздумали сойти в Мотовиловке. На рассвете мы приплыли в Пермь. Все стали собираться и идёт наш лоцман, который первый нас увидел в бинокль и говорит: «Ну что, девочки, с нами за сплавленную команду?» Мы говорим: «Да!» «Ну давайте с нами...» И мы все вместе пошли в их комнату сплавщиков. Это была большая тёплая, чистая комната и мы до утра были там, немного даже вздремнули сидя. Потом некоторые пошли на базар, и мы пошли с ними. Я опять взяла отрез сатина и ботинки, чтобы продать... Отрез быстро продала, а ботинки нет. Потом взяли вещи и пошли на пристань.

Пароход должен отплыть вечером. Тогда мы пошли в ларёк за хлебом. Была очередь. Первый раз получили и сразу же съели. Хлеб был ржаной и сырой. Так мы несколько раз вставали в очередь, чтобы накушаться. Потом пошли покупать билеты. Очередь была маленькая, и мы быстро купили билеты. Взяли билеты до Самары. Снова встретили ребят, с которыми плыли. Поблагодарили их. Они тоже поплывут, только мы – вниз, а они вверх... Они пожелали нам благополучного пути.

Мы боялись, что при посадке будут проверять билеты и документы. Пришёл пароход, мы прошли в пароход, заняли место на второй полке, быстро улеглись и уснули. Утром проснулись, уже никто не гонится, а мы всё боимся ходить по пароходу. Сели, сидим. Смотрим, на нижней полке сидит один парень молодой – он десятник! Смотрит на нас и улыбается и говорит: «Не бойтесь меня. Я никогда не сделаю вам ничего плохого. Езжайте спокойно». Он ехал на курсы, его послали на повышение. Вот мы приехали в Сарапул. В пароход стали что-то нагружать. Я пошла спросила: «Долго ли будут нагружать?» Взяла вещи и пошла на базар продавать, чтобы дальше купить билет. Вроде я недолго ходила. Но вот раздался гудок... Я побежала к пароходу, а уже убирают подмостки и пароход тронулся... Я бегу... Встречаются два военных человека, я спрашиваю, что мне делать, я отстала от парохода. Они спросили, есть ли у меня билет? Я ответила: «Да». Тогда они посоветовали мне пойти в зал ожидания и ждать: «Скоро снова подойдёт пароход в ту же сторону, и ты на этом билете уедешь». Я поблагодарила их, и успокоилась, пошла в зал ожидания. Ждать пришлось ровно сутки. Пришёл пароход, я села и всё беспокоюсь — как же, у меня билет только до Соколок. Встречу девчат или нет? Доехала до Соколок. Сошла, посмотрела девочек, нигде не увидела. Снова села в пароход и поехала одна. Кушать хочу. Кушать нечего... В одном месте увидела рассыпанную гречиху неочищенную. Собрала и покушала. Хоть застревала в зубах, но всё же я подкрепилась. Утром рано приплыли в Чистополь. Слышу громко объявляют: «Граждане, если вы будете работать, выгружать из парохода груз и загружать в пароход, то пароход пойдёт до Казани. Если же не будете работать, то выходите, пароход не пойдёт дальше». Все согласились работать, они сделали список, записали фамилию каждого. Пошла работать и я. И ещё несколько женщин пошли. Мы с одной молодой женщиной одну тачку возили. Накладывали на тачку мешки два молодых человека. Они с нами шутили. Один был похож на дядю Серёжу Зубова. А когда эта женщина перестала со мной работать и стала возить одна, мы уже из парохода всё выгрузили. И уже возили мешки в пароход. И вдруг я увидела своих девчат. Они сидели и не хотели работать. А я не бросила работать и стала продолжать работать. Из женщин я работала уже только одна. В том сарае, где мы работали было много гороха — хороший белый горох. Я набирала немного в варезку и отдавала девчатам, чтобы в дороге можно было покушать... Под самый конец я везла тачку с мешком и когда с подмостков спускалась на пароход, там был маленький поворот. Моя тачка подвернулась и мешок упал с тачки... А там как раз у этого поворота постоянно стоял один

мужчина в морской форме лет сорока и наблюдал, кто как работал. Когда у меня упал мешок, он подошёл и помог мне положить мешок на тачку... И вот когда закончили работу и стали рассчитываться по списку с теми, кто записан в списке, то давали всем одинаковую плату, кто работал целый день, и кто мало работал... Те, кто работали целый день, стали возражать против такой оплаты. Тут этот мужчина возвысил голос и указывая на меня сказал: «Вот она – спросил мою фамилию, — Котова Вера – работала до самого конца, и ей тоже заплатят 5 рублей, как и всем!» И мне дали 5 рублей. Я была очень рада, так как мне нужны были деньги на билет. Было уже к вечеру, и я побежала за хлебом. Коммерческий ларёк был не очень близко, и я заняла очередь. Очередь была большая. Вдруг бежит несколько человек и среди них этот дядя Серёжа. Увидев меня, он крикнул мне, чтобы я шла с ними за хлебом. А им как рабочим сплавной компании отпускали хлеб вне очереди. Я встала с ними вместе. Получив хлеб, я побежала на пароход. Вскоре зажгли свет, и пароход был готов к отправке. Кто успел взять билет, кто нет – все поплыли...

Вдруг слышим объявление: «Приготовьтесь к проверке билетов. У кого нет билетов, подготовьте документы». Я не успела купить билет, и поэтому очень переживала, так как и документов у меня нет. Мы стояли втроем на одной стороне. Я решила уйти от девочек на другую сторону. Вот подошёл ко мне проверяющий билеты и просит показать билет. Я говорю: «У меня билет там...» «Где там?» — спрашивает он. Я говорю: «Там, на той стороне». Он сказал мне: «Ну иди на ту сторону». И я ушла. Встала вместе с девочками. На этой стороне проверял билеты тот мужчина, что наблюдал за тем, как мы работаем, который помог мне поднять мешок. Вот берёт он билет у одной из нас и читает: «Пермь — Самара», подаю и я свой билет... Он посмотрел и отдаёт мне... Только я протянула руку забрать билет, а он снова стал читать: «Пермь – Соловки». Смотрит на меня и улыбается... и спрашивает, а дальше как? Потом он сказал мне: «Вон то окошечко видишь? Когда там никого не будет – подойди туда!» И ушёл. Я обрадовалась. На сердце стало так легко. Я говорю девочкам: «Слава Богу! Всё будет хорошо!» И вот я увидела, что около окошечка никого нет. Быстренько подхожу к нему. Там сидел этот дядя Серёжа. Увидев меня, он что-то сказал кассиру. Меня позвали внутрь. Кассир спрашивает: «Так где вы работали?» Я ответила: «Целый день работали на разгрузке и погрузке парохода». Потом кассир спрашивает: «А деньги есть?» Я подала ему заработанные 5 рублей. Они выписали мне билет и дядя Серёжа говорит: «Нам не жалко, езжайте по этому билету». И подал мне билет. Ещё он сказал, если кто что скажет, подходи к нам, и мы дадим тебе нужную справку... Я радостная пошла к девочкам и сказала им: «Слава Богу! Опять всё хорошо! Бог помог!» И девочки радовались со мной вместе. Когда мы выходили из парохода, никто не проверял билеты, и мы спокойно ушли. Мы пошли в кассу за билетом, чтобы ехать мне дальше до Самары. Однако оставшихся денег мне хватило только до Ульяновска. Мы сели на последний пароход и поплыли. А сердце ещё тревожилось, так как билет у меня был только до Ульяновска...

Так мы плыли потихонечку. Мочили горох и ели. Каким вкусным он нам казался! Мы плыли ночь и день... Билеты не проверяли и мы благополучно приплыли в Самару. Вышли на берег. Берег на пристани высокий и лестница... По лестнице могут идти сразу 3-4 человека. И вот выше на лестнице появилась женщина- контролёр и кричит: «Приготовьте билеты!» Я тоже приготовила. И вот подхожу к ней... И вдруг впереди меня вклинился молодой человек и закрыл меня своей спиной... Он стал спрашивать: «Если я сейчас выйду с этим билетом, вы меня пустите назад?» Я быстренько сошла вправо и пошла вверх по лестнице... Женщина не вернула меня. Она видела у меня в руках билет... Так интересно получилось, будто Бог специально послал его в нужный момент, чтобы защитить меня... Потом этот молодой человек ещё на лестнице обогнал меня... И вот мы вышли на берег... Светило солнце... Было так хорошо! Мы остановились, вздохнули свободно и легко! Наконец, почувствовали себя свободными!!!

Мы простились друг с другом и пошли по адресам к своим родственникам...

Вот это я описала последний месяц из трёх лет и 8 месяцев. Мы ушли 22 сентября 1933 года и приплыли 22 октября 1933 года – всего только один месяц!!! Читая эту повесть, вы можете сказать: Как же вы отвязали чужую лодку? Значит, вы украли её?... Судите сами, как хотите... Но мы, когда шли к берегу, было ещё совсем светло, и мы даже не боялись, и не думали, что мы идём воровать... Совесть нас не осуждала... Не было никакого страха. Мы шли спокойно и искали подходящую... Мы нашли одну подходящую, но она была закрыта на замок. И только в самом конце мы снова нашли подходящую лодку, и она не была закрыта на замок. Мы отвязали её и шли с ней берегом. Потом привязали и пошли к хозяйке попрощаться... Они нас ждали. Мы рассказали, что поплывём на лодке, а не на пароходе. И они плакали и радовались, что нас не поймают на пароходе и не вернут обратно пешком туда, откуда мы убежали...

- Итак, 1. Первую ночь мы ночевали в бане у тётеньки,
2. Вторую ночь – тоже в бане. Сначала нас поймали, но потом отпустили...
3. Третью ночь ночевали у молодой вдовы – 2 ночи ночевали.
4. Ночевали около дороги в доме – 3 дня ночевали... Тут я заболела.
5. Ночевали у председателя колхоза.
6. Ночевали ночь в Соликамске.

Слава Богу! Мне самой было очень удивительно, как Бог вёл нас! Сочинить было бы трудно или так спланировать – а Бог всё предусмотрел и помог! Да! Только Он помогал нам в дороге! Не оставлял нас! Слава Ему!!!

Теперь напишу о Самаре.

Когда я простилась с девчатами, я пошла к сестре Наде. Девочки пошли к Надиному родному брату. И Надя взяла с собой Паньку. Мы при расставании не взяли адреса друг друга... И поэтому больше не могли найти друг друга. В Самаре я жила недолго. Моя сестра Надя проводила меня в

Ташкент. Ехали мы с Прончевой Нюрой. Когда я приехала в Ташкент, я была худая и слабая. В Ташкенте стояла такая жара... И я заболела малярией в скрытой форме. Очень резкая перемена климата, я не могла выдерживать, не находила себе места... Зайду в холодок, и там мне тоже жарко... И поэтому я уехала в Ормедзолото – Орской железной дороги – там жил брат Володя. Работал водителем грузовой машины – возил руду. А моя сестра Надя приехала туда ещё раньше меня. Там она хорошо устроилась... Днём работала воспитателем на детской площадке, и ещё работала на метеорологической станции наблюдателем. Рано утром идёт на станцию, а оттуда на детскую площадку. На площадке было много детей. Заведующей была молодая женщина и Надя, и повар... Были все очень дружные. И вот когда я приехала, они сказали Наде: «Давай возьмём её к нам уборщицей. Она у нас быстро поправится». Первое время я не могла ничего делать, Надя за меня всё делала. А через 2 недели я уже сама могла работать. Эта площадка была летняя. Осенью нас перевели работать в столовую мыть посуду. Так я поправилась и стала работать.

Потом вышло распоряжение власти: «У кого нет трудоспособных на ссылке, и кто может взять на своё иждивение, нужно из сельсовета документы, и можно привезти родных».

Володя поехал в село Романовку взять документы, но там правления уже не было, надо было ехать в село Ялань. В Романовке Володю встретили недружелюбно. И он уехал в село Ялань. Там его встретили очень хорошо и дали все документы. Володя спросил, почему его так плохо встретили в Романовке? И тот человек, который выдал ему документы сказал: «У вас всё отобрали и сослали... А ты приехал хорошо одетый и прилично выглядишь сам. Вот им завидно, и поэтому они злые». И вот Володя забрал всех, кто остался жив... В Ормедзолото я жила два года с небольшим. Потом уехала в Ташкент. В Ташкенте собрались все, кто жив остался – Виктор – старший брат, Гриша – третий брат. Костя умер на Севере, и папа погиб там от голода в 1933 году. В то время там очень много людей погибло. Доставка хлеба и продуктов туда была очень трудная. Речка маленькая. Пароход мог пройти только в навигацию и то только буксир... От голода дохли лошади. Травы там не было, только маленькие кустарники, у которых очень грубые листья. Брусничные листья тоже очень грубые. Рябины редко встретишь – листья сразу же обрывали, листья обмакивали в муку, пекли и ели. Была сосна, ель, но из них ничего не сделаешь... Скотину нечем было кормить, и она погибала. Дохлую лошадь рубили, варили и кушали... Сначала не разрешали есть дохлятину, но люди украдкой варили и ели. Тогда не стали запрещать есть дохлую скотину. Но всё равно людей погибло очень много от голода.

Володя маму с детьми отвёз в Ташкент, потом и сам уехал, а после и я уехала в Ташкент. Старший брат Виктор и Гриша купили маленький домик на 2 комнаты, сени маленькие... Потом они сени разделили и сделали баню. Так потихоньку стали расширяться. Потом приехала Поля с детьми. Из бани сделали комнату и так потихоньку стали привыкать «в тесноте, но не в обиде». Жили мы дружно. Никогда не было никакого скандала. Виктор с

Гришей через некоторое время женились и ушли к жёнам. Остались мама, Люба, Аня, Оля, Юлик, Саша и Броня. Она была самая маленькая. Ей было всего 2 месяца, когда нас выгнали из дома /Сейчас она живёт в Сакраменто. У неё много детей/. И вот когда я снова приехала в Ташкент, меня соседи не узнавали. Говорили: «То была старая, а эта молодая». И вот я сама себе сказала: «Не пойду замуж, пока не получу какую-нибудь специальность». Я сразу поступила в общеобразовательную школу. Училась в ней 2 года. Потом Надя поступила в двухгодичную акушерскую школу и пригласила меня ходить вместе с ней, потому что занятия проходили вечером, и чтобы не страшно было ходить одной, вдвоём было и веселей и лучше. На другой день я пошла в школу. Там был директор Парпиев – узбек. Он сказал, что мы приём уже закончили, принимали жён военнослужащих. Теперь уже не принимаем. Но я стала просить. Он велел прийти завтра. Я принесла все документы, и он принял меня. Заниматься надо было 2 года. Я закончила её хорошо. Устроилась на работу в скорую помощь. Там была суточная работа. Сначала работали – сутки отработаешь – четыре дома. Я устроилась ещё на ставку в другом месте. Но потом перевели график – сутки работать – трое дома. Тогда стало трудно работать на двух работах. Я осталась на скорой помощи работать, так как мне там очень нравилось.

Однажды, когда я пришла с дежурства, мама сказала мне, что приходила моя подруга Люба и просила, чтобы я вечером пришла к ней. Приходил молодой человек. Он приехал из Ферганы с отчётом, но в гостиницу его не приняли, так как у него в документах значится, что он судим. Он хотел вечером встретиться с молодёжью и хотел узнать, может у кого-нибудь можно найти квартиру. Вечером я пришла к Любе. Мы много пели, беседовали. Люба жила у сестры и у неё была отдельная комната. Вот в этой комнате он до конца своей командировки жил. Когда он уезжал, мы с Любой провожали его. Люба сказала: «Гоша, пишите нам». Он сказал: «Хорошо, дайте адрес». Люба сказала мне написать адрес, и я написала адрес Любы.

И вот он написал ей и мне. Завязалась переписка. И он ещё приезжал и сделал мне предложение выйти за него замуж. Итак, в 1941 году мы поженились. Сделали свадьбу в Ташкенте. Тимофей Иванович Пеньков нас считал. Он был пресвитером. С мужем я уехала в Фергану. У Гоши был там свой дом.

Вскоре к нам приехала Гошина сестра Паша с двумя детьми и мама его. Мама Гошина была такая хорошая, скромная, никогда не была суровой. Когда началась война, Гошу взяли на войну. Там его ранило в коленный сустав. Пуля долго пролежала и получился полный анкилоз. Его комиссовали, и он вернулся домой. Но ещё долго он болел... Но мы рады были, что вернулся живым. В 1942 году мама умерла. Её похоронили на кладбище на улице Ленина. Но кладбище было старое, уже всё занятое и хоронили за забором. Паша же с детьми так и жила с нами. Её муж сидел за веру в Бога, ему дали 10 лет. В 1942 году родился наш первенец Георгий Георгиевич.

Послесловие

Вера Георгиевна Огородникова жива до сих пор и живёт в Америке. Здесь же живут все её дети, внуки и правнуки...

Январь, 2011 год.